

МАРК ТВЕН

ПРИНЦ И НИЩИЙ

#эксмодетство

Москва
2024

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т26

Твен, Марк.

Т26 Принц и нищий / Марк Твен ; [перевод с английского Корнея Чуковского и Николая Чуковского]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-179551-1

Исторический роман Марка Твена покажет вам Англию XVI века и приключенческие события, которые могли произойти. Том Кенти — нищий, однако обученный грамоте мальчик. Он зачитывается книгами о королевских дворцах и мечтает когда-нибудь увидеть поближе человека из высокопочтенной династии. Однажды случившееся превосходит все желания героя. Словно во сне, он оказывается в королевском доме...

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Чуковский К.И., перевод, наследники, 2024
© Чуковский Н.К., перевод, наследники, 2024
ISBN 978-5-04-179551-1 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту повесть я расскажу вам в том виде, в каком я слышал её от одного человека, слышавшего её от *своего* отца, который слышал её от *своего* отца, а тот от *своего* и так дальше. Триста лет, а быть может, и долее, отцы передавали её сыновьям, и таким образом она была сохранена для потомства. Возможно, что это исторический факт, но возможно — предание, легенда. Пожалуй, всё это было, а пожалуй, этого и не было, но всё же *могло бы быть*. Возможно, что в старое время в неё верили мудрецы и учёные, но возможно и то, что только простые неучёные люди верили в неё и любили её.

О, в милосердии двойная благодать:
Блажен и тот, кто милует, и тот,
Кого он милует. Всего сильнее
Оно в руках у сильных; королям
Оно пристало больше, чем корона.

*Шекспир.
Венецианский купец*

Глава первая

РОЖДЕНИЕ ПРИНЦА И РОЖДЕНИЕ НИЩЕГО

Это было в конце второй четверти шестнадцатого столетия.

В один осенний день в древнем городе Лондоне в бедной семье Кенти родился мальчик, который был ей совсем не нужен. В тот же день в богатой семье Тюдоров родился другой английский ребёнок, который был нужен не только ей, но и всей Англии. Англия так давно мечтала о нём, ждала его и молила Бога о нём, что когда он и в самом деле появился на свет, англичане чуть с ума не сошли от радости. Люди, едва знакомые, встречаясь в тот день, обнимались, целовались и плакали. Никто не работал, все праздновали — бедные и богатые, простолюдины и знатные — пировали, плясали, пели,

угощались вином, и такая гульба продолжалась несколько дней и ночей. Днём Лондон представлял собою очень красивое зрелище: на каждом балконе, на каждой крыше развевались яркие флаги, по улицам шествовали пышные процессии. Ночью тоже было на что посмотреть: на всех перекрёстках пылали большие костры, а вокруг костров веселились целые полчища гуляк. Во всей Англии только и разговоров было, что о новорождённом Эдуарде Тюдоре, принце Уэльском, а тот лежал завёрнутый в шелка и атласы, не подозревая обо всей этой кутерьме и не зная, что с ним нянчатся знатные лорды и леди, — ему это было безразлично. Но нигде не слышно было толков о другом ребёнке, Томе Кенти, запелёнатом в жалкие тряпки. Говорили о нём только в той нищенской, убогой семье, которой его появление на свет сулило так много хлопот.

Глава вторая

ДЕТСТВО ТОМА

Перешагнём через несколько лет. Лондон существовал уже пятнадцать веков и был большим городом по тем временам. В нём насчитывалось сто тысяч жителей, иные полагают — вдвое больше. Улицы были узкие, кривые и грязные, особенно

в той части города, где жил Том Кенти, — недалеко от Лондонского моста. Дома были деревянные; второй этаж выдавался над первым, третий выставлял свои локти далеко над вторым. Чем выше росли дома, тем шире они становились. Остовы у них были из крепких, положенных крест-накрест балок; промежутки между балками заполнялись прочным материалом и сверху покрывались штукатуркой. Балки были выкрашены красной, синей или чёрной краской, смотря по вкусу владельца, и это придавало домам очень живописный вид. Окна были маленькие, с мелкими ромбами стёкол, и открывались наружу на петлях, как двери.

Дом, где жил отец Тома, стоял в вонючем тупике за Обжорным рядом. Тупик назывался «Двор Отбросов». Дом был маленький, ветхий, шаткий, доверху набитый беднотой. Семья Кенти занимала каморку в третьем этаже. У отца с матерью существовало некоторое подобие кровати, но Том, его бабка и обе его сестры — Бэт и Нэн — не знали такого неудобства: им принадлежал весь пол, и они могли спать где им вздумается. К их услугам были обрывки двух-трёх старых одеял и несколько охапок грязной, обветшалой соломы, но это вряд ли можно было назвать постелью, потому что по утрам всё это сваливалось в кучу, из которой к ночи каждый выбирал что хотел.

Бэт и Нэн были пятнадцатилетние девочки-близнецы, добродушные замарашки, одетые в лохмотья и глубоко невежественные. Мать мало чем отличалась от них. Но отец с бабушкой были сущие дьяволы; они напивались, где только под руку подвернётся. Бранились и сквернословили на каждом шагу, в пьяном и в трезвом виде. Джон Кенти был вор, а его мать — нищенка. Они научили детей просить милостыню, но сделать их ворами не могли.

Среди нищих и воров, наполнявших дом, жил один человек, который не принадлежал к их числу. То был добрый старик священник, выброшенный королём на улицу с ничтожной пенсией в несколько медных монет. Он часто уводил детей к себе и тайком от родителей внушал им любовь к добру. Он научил Тома читать и писать, от него Том приобрёл и некоторые познания в латинском языке. Старик хотел научить грамоте и девочек, но девочки боялись подруг, которые стали бы смеяться над их неуместной учёностью.

Весь Двор Отбросов представлял собою такое же осиное гнездо, как и тот дом, где жил Кенти. Попойки, ссоры и драки были здесь в порядке вещей. Они происходили каждую ночь и длились чуть не до утра. Пробитые головы были здесь таким же заурядным явлением, как голод. И всё же маленький Том

не чувствовал себя несчастным. Иной раз ему приходилось очень туго, но он не придавал своим бедствиям большого значения: так жилось всем мальчишкам во Дворе Отбросов, поэтому он полагал, что иначе и быть не должно. Он знал, что вечером, когда он вернётся домой с пустыми руками, отец изругает его и прибить, да и бабка не даст ему спуска, а поздней ночью подкрадётся вечно голодная мать и потихоньку сунет чёрствую корку или какие-нибудь объедки, которые она могла бы съесть сама, но сберегла для него, хотя уже не раз попадалась во время этих предательских действий и получала в награду тяжёлые побои от мужа.

Нет, Тому жилось не так уж плохо, особенно в летнее время. Он просил милостыню не слишком усердно — лишь бы только избавиться от отцовских побоев, — потому что законы против нищенства были суровы и попрошаек наказывали очень жестоко. Немало часов проводил он со священником Эндрью, слушая его дивные старинные легенды и сказки о великанах и карликах, о волшебниках и феях, о заколдованных замках, великолепных королях и принцах. Воображение мальчика было полно всеми этими чудесами, и не раз ночью, в темноте, лёжа на скудной и колкой соломе, усталый, голодный, избитый, он давал волю мечтам и скоро забывал и обиды, и боль, рисуя себе

сладостные картины восхитительной жизни какого-нибудь изнеженного принца в королевском дворце. День и ночь его преследовало одно желание: увидеть своими глазами настоящего принца. Раз он высказал это желание товарищам по Двору Отбросов, но те подняли его на смех и так безжалостно издевались над ним, что он решил впредь не делиться своими мечтами ни с кем.

Ему часто случалось читать у священника старые книги. По просьбе мальчика священник объяснял ему их смысл, а порою дополнял своими рассказами. Мечтания и книги оставили след в душе Тома. Герои его фантазии были так изящны и нарядны, что он стал тяготиться своими лохмотьями, своей неопрятностью, и ему захотелось быть чистым и лучше одетым. Правда, он и теперь зачастую возился в грязи с таким же удовольствием, как прежде, но в Темзе стал он плескаться не только для забавы: теперь ему нравилось также и то, что вода смывает с него грязь.

У Тома всегда находилось на что поглазеть возле майского шеста¹ в Чипсайде или на ярмарках. Кроме того, время от времени ему, как и всем лондонцам, удавалось полюбоваться военным парадом, когда

¹ М а́йский ш ест — высокая мачта, украшенная цветами и флагами; вокруг неё происходили майские гулянья.

какую-нибудь несчастную знаменитость везли в тюрьму Тауэра¹ сухим путём или в лодке. В один летний день ему пришлось видеть, как сожгли на костре в Смитфилде бедную Энн Эскью², а с нею ещё трёх человек; он слышал, как некий бывший епископ читал им длинную проповедь, которая, впрочем, очень мало заинтересовала его. Да, в общем жизнь Тома была довольно-таки разнообразна и приятна.

Понемногу чтение книг и мечты о жизни королей так сильно подействовали на него, что он, сам того не замечая, стал *разыгрывать* из себя принца, к восхищению и потехе своих уличных товарищей. Его речь и повадки стали церемонны и величественны. Его влияние во Дворе Отбросов с каждым днём возрастало, и постепенно сверстники привыкли относиться к нему с восторженным почтением, как к высшему существу. Им казалось, что он так много знает, что он способен к таким дивным речам и делам! И сам он был такой умный, учёный! О каждом замечании и о каждом поступке Тома дети рассказывали старшим, так что вскоре

¹ Тауэр — лондонская крепость, служившая темницей для лордов, герцогов и королей.

² Энн Эскью (1521—1546) — протестантка; из-за религиозных разногласий с господствующей Католической церковью была подвергнута пыткам и сожжена в Смитфилде.

и старшие заговорили о Томе Кенти и стали смотреть на него как на чрезвычайно одарённого, необыкновенного мальчика. Взрослые в затруднительных случаях стали обращаться к нему за советом и часто дивились остроумию и мудрости его приговоров. Он стал героем для всех, кто знал его, — только родные не видели в нём ничего замечательного.

Прошло немного времени, и Том завёл себе настоящий королевский двор! Он был принцем; его ближайшие товарищи были телохранителями, камергерами, шталмейстерами, придворными лордами, статс-дамами и членами королевской фамилии. Каждый день самозванного принца встречали по церемониалу, вычитанному Томом из старинных романов; каждый день великие дела его мнимой державы обсуждались на королевском совете; каждый день его высочество мнимый принц издавал приказы воображаемым армиям, флотам и заморским владениям.

Потом он в тех же лохмотьях шёл просить милостыню, выпрашивал несколько фартингов¹, глодал чёрствую корку, получал обычную долю побоев и ругани и, растянувшись на охапке вонючей соломы, вновь предавался мечтам о своём воображаемом величии. А желание увидеть хоть раз настоящего, живого принца росло в нём с каждым

¹ Ф á р т и н г — медная монета, меньше копейки.

днём, с каждой неделей и в конце концов заслонило все другие желания и стало его единственной страстью.

В один январский день он, как всегда, вышел в поход за милостыней. Несколько часов подряд, босой, продрогший, уныло слонялся он вокруг Минсинг Лэйна и Литтл Ист Чипа, заглядывая в окна харчевен и глотая слюнки при виде ужаснейших свиных паштетов и других смертоубийственных изобретений, выставленных в окне. Для него это были райские лакомства, достойные ангелов, по крайней мере судя по запаху, — отвеживать их ему никогда не случалось... Моросил мелкий холодный дождь; день был тоскливый и хмурый. Под вечер Том пришёл домой такой измокший, утомлённый, голодный, что даже отец с бабкой как будто пожалели его, — конечно, на свой лад: наскоро угостили его тумаками и отправили спать. Долго боль и голод, а также ругань и потасовки соседей не давали ему уснуть, но, наконец, мысли его унеслись в дальние, чудесные страны, и он уснул среди принцев, с ног до головы усыпанных золотом и драгоценными камнями. Принцы жили в огромных дворцах, где слуги благоговейно склонялись перед ними или летели выполнять их приказания. А затем, как водится, ему приснилось, что *он и сам* — принц. Всю ночь он упивался своим королевским величием; всю

ночь окружали его знатные леди и лорды; в сиянии яркого света он шествовал среди них, вдыхая чудесные ароматы, восхищаясь сладостной музыкой и отвечая на почтительные поклоны расступавшейся перед ним толпы — то улыбкой, то царственным кивком.

А утром, когда он проснулся и увидел окружающую его нищету, всё вокруг — как всегда после подобного сна — показалось ему в тысячу раз непригляднее. Сердце его горестно заныло, и он залился слезами.

Глава третья

ВСТРЕЧА ТОМА С ПРИНЦЕМ

Том встал голодный и голодный поплёлся из дому, но все его мысли были поглощены призрачным великолепием его ночных сновидений. Он рассеянно брёл по улицам, почти не замечая, куда идёт и что происходит вокруг. Иные толкали его, иные ругали, но он был погружён в свои мечты, ничего не видел, не слышал. Наконец он очутился у ворот Темпл Бара. Дальше в эту сторону он никогда не заходил. Он остановился и с минуту раздумывал, куда он попал, потом мечты снова захватили его, и он очутился за городскими стенами. В то время Стренд уже не был просёлочной дорогой и даже считал себя улицей, но вряд ли он имел право на